

На правах рукописи

Касаткин Сергей Николаевич

**ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ПРАВОВЕДЕНИЯ
(теоретико-методологический аспект)**

**12.00.01 - Теория и история права и государства;
история правовых учений**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Казань 2003

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории государства и права
НОУ Самарская гуманитарная академия.

Научный руководитель доктор юридических наук,
 профессор **Хачатуров Рудольф Левонович**

Официальные оппоненты: доктор юридических наук,
 профессор **Малько Александр Васильевич;**

 кандидат юридических наук,
 доцент **Блажко Петр Корнеевич**

Ведущая организация - Ульяновский государственный университет.

Защита диссертации состоится на заседании диссертационного совета
К.212.081.01 21 ноября 2003 г. в 12 часов в Казанском государственном
университете по адресу: 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул.
Кремлевская, д. 18, юридический факультет, ауд. 326.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.
Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан 17 октября 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук,

доцент

Г.Р. Хабибуллина

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертационного исследования. Распад традиционных обществ, усложнение социальной жизни, мировые потрясения XX столетия, общий кризис современной цивилизации потребовали переосмысления места и роли человека в природе, обществе, мироздании, уяснения его ответственности за сохранение неустойчивого миропорядка. Именно *человек неизменно находится в центре* подобных кризисных явлений - и как субъект, организующий и воспроизводящий собственной деятельностью кризисные ситуации в ходе общественного развития, и как объект, испытывающий все тяготы внешнего воздействия. Для правоведения это означает повышение интереса к проблематике *правосознания* как фундаментальной юридической категории, выступающей своеобразной *репрезентацией человека в праве*. Актуальным становится социокультурный ракурс юридического анализа, рассматривающий правовые проблемы как противоречия самого человека, его мировоззрения, связывающий их разрешение с формированием новых уровней его социально-субъективных качеств. В новом историческом контексте требуется глубокая проработка категории правосознания с учетом достижений современной юриспруденции и всей социогуманитаристики, изменение на ее основе всей системы юридического познания, расширение юспозитивистских понятий за счет философской, социокультурной, социопсихологической проблематики права. Осмысление проблематики правосознания позволит дать теоретическую и прикладную интерпретацию широкому спектру явлений российской правовой действительности, прояснить перспективы укрепления законности и правопорядка, становления гражданского общества, правового государства.

Степень теоретической разработанности проблемы. Основы разработки проблематики правосознания были заложены еще в рамках дореволюционной теории и философии права в трудах В.С. Соловьева, Г.Ф. Шершеневича, Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, П.И. Новгородцева, Е.Н. Трубецкого, А.Ф. Тарановского, С.Л. Франка, Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина, С.И. Гессена, И.А. Покровского, И.А. Ильина, Б.А. Кистяковского, Н.Н. Алексеева, Б.П. Вышеславцева и др. В советское время категория правосознания получила свою дальнейшую разработку на базе синтеза юспозитивизма и марксизма. Указанная проблематика анализировалась в исследованиях М.А. Рейснера, М.Я. Магазинера, П.И. Стучки, А.Я. Вышинского, М.С. Строговича, а также С.С. Алексеева, К.Т. Бельского, Ю.М. Грошевого, Г.Х. Ефремова, А.Э. Жалинского, Г.А. Злобина, В.П. Казимирчука, В.И. Каминской, Н.И. Козюбры, В.Н. Кудрявцева, Е.А. Лукашевой, Л.С. Мамута, Н.И. Матузова, Е.В. Назаренко, Ю.И. Новика, Г.С. Остроумова, И.Ф. Покровского, Д.А. Потопейко, А.Р. Ратинова, И.Ф. Рябко, В.П. Сальникова, В.А. Сапуна, Н.Я. Соколова, Л.И.

Спиридонова, И.Е. Фарбера, В.А. Чефранова, В.А. Щегорцова, А.М. Яковлева и др.

Современное российское правоведение характеризуется большим количеством публикаций, посвященных различным аспектам теории правосознания, среди которых работы таких авторов как А.А. Абдумаминов, Р.С. Байниязов, П.П. Баранов, Э.Э. Баринов, В.И. Бегинин, Е.А. Белканов, Н.Н. Вопленко, Н.Л. Гранат, А.С. Гречин, А.В. Грошев, Н.Ю. Евплова, А.М. Евстратов, В.И. Егоров, О.Ю. Комарова, В.П. Малахов, Т.В. Мельникова, А.Ю. Мордовцев, Л.Д. Мостовщиков, И.Д. Невважай, Ю.Е. Пермяков, А.П. Плешаков, А.В. Поляков, В.Б. Романовская, В.Е. Семенов, А.П. Семитко, В.Н. Синюков, Т.В. Синюкова, В.А. Суслов, Н.М. Тапчанян, Я.В. Турбова, И.В. Хрючкина, Н.В. Щербакова и др.

Современная российская трактовка правосознания есть сочетание постулатов теории отражения, юспозитивизма и идеологии естественных прав. Правосознание рассматривается прежде всего как отражение юридического бытия, одно из средств функционирования и воспроизводства системы права и правопорядка, вследствие чего остается недостаточно разработанной связанность права сознанием, укорененность права в правовом субъекте как деятеле, способном к признанию и утверждению определенных ценностей. Попытки построения целостных альтернативных правовых концепций, построенных на иных познавательных ориентирах, не получили достаточного распространения в отечественной юриспруденции. Ограниченность юспозитивистской трактовки правосознания, недостаточная разработанность его альтернативных концепций делают правосознание актуальной темой для исследования, требующей своего развития в современной российской юриспруденции.

Подобные утверждения в полной мере можно отнести и к «*деформации*» правосознания, в первую очередь к проблематике *правового нигилизма* - теории и практике отрицания ценности права. Правовой нигилизм стал активно изучаться с конца 80-х - начала 90-х гг. XX в. в связи с провозглашенной ориентацией российского социума на идеалы демократии и правового государства. Этим объясняется сравнительная неразработанность проблематики правового нигилизма, отсутствие его целостного общепринятого понимания, уяснения его причин, следствий, форм проявления. За последние годы появился целый ряд публикаций, затрагивающих вопросы правового нигилизма, среди которых - статьи Н.В. Варламовой, В.И. Гоймана, А.И. Демидова, А.В. Колесникова, Н.И. Матузова, И.Д. Невважая, В.Н. Руденкина, А.Г. Синюкова, Э.Ю. Соловьева, В.А. Туманова, диссертационные исследования и монографии А.В. Волошенюка, Д.И. Вороненкова, П.А. Горохова, К.Р. Даниеляна, В.Н. Коробки, Д.Э. Марченко, С.А. Сирина, А.С. Сиротина, В.Б. Ткаченко, К.Г. Федоренко и др. Однако российский правовой нигилизм, как правило, изучается в рамках традиционной трактовки правосознания, определяется как однозначно

негативный феномен, следствие юридической неразвитости, отсталости, нецивилизованности российского массового сознания. Между тем осмысление (и обуздание) нигилистического правосознания требует его социокультурной интерпретации, альтернативных методологических схем, позволяющих уяснить его смысл и роль в системе национального менталитета.

Объектом настоящего **исследования** является социальное сознание современного российского общества.

Предмет данной диссертации - теоретико-методологические аспекты правосознания, его взаимосвязи с правом.

Цель предпринимаемого исследования - раскрыть место и роль правосознания как категории правоведения, показать ее познавательный потенциал для осмысления различных явлений юридической действительности, наметить возможные проблемы использования традиционных юридических понятий в контексте современных тенденций социогуманитарного познания.

В соответствии с целями, в диссертации ставятся следующие **задачи**:

- уяснить место и роль правосознания в различных школах права и моделях социогуманитарного познания;
- наметить перспективы концептуализации правосознания как репрезентации человека в праве с учетом различных социокультурных, теоретико-методологических и идеологических интерпретаций;
- предложить различные классификации определений правосознания;
- показать значение права как психосоциокультурной целостности;
- раскрыть сущность права как специфической структуры существования правосознания;
- проанализировать социальный механизм взаимодействия правосознания и права;
- исследовать вопросы «нормы» и «патологии» правового сознания;
- раскрыть правовой нигилизм как интегральную характеристику правовой действительности применительно к правовому субъекту и правопорядку;
- рассмотреть правовой нигилизм как проблему социального диалога элиты и масс в российской правовой ментальности и культуры.

Теоретико-методологические основы исследования. При изучении правосознания автор во многом основывался на социологическом правопонимании и методологии интегративного юридического анализа. Сложность, противоречивость и недостаточная разработанность проблематики правосознания в российской юриспруденции потребовали изучения не только обширного круга юридической литературы, в первую очередь по общей теории права, истории правовых учений, но и трудов по философии, социологии, психологии, политологии, иным социогуманитарным дисциплинам. Использовались работы отечественных и зарубежных исследователей.

Научная новизна диссертации определяется поставленными выше целями и задачами, нетрадиционным подходом диссертанта к разработке наиболее

значимых теоретико-методологических аспектов проблематики правосознания и права, осуществляемой на базе современной социогуманитарной методологии, с учетом происходящих в обществе преобразований, связанных с формированием гражданского общества и правового государства.

На защиту выносятся следующие новые или содержащие элементы новизны положения:

- Правосознание и право диалектически, коррелятивно связаны между собой как различные формы, стороны человеческого мира - мира значимых для человека смыслов, значений, ценностей.

- Правосознание рассматривается как своеобразная репрезентация человека в мире права, представляется характеристикой целостного человеческого бытия - на уровне как индивида, так и общности. Ментально-психические, социокультурные феномены здесь взяты с точки зрения их значимости для сферы правового, как источник, движущая сила правовой жизни.

- Правосознание есть особая, нередуцируемая к отражению официальных текстов и нормативов социальная ментальная практика, имеющая собственную онтологию, специфику, закономерности и механизмы функционирования и развития. Оно конструирует и воспроизводит право как социокультурный феномен.

- Право можно рассматривать одновременно и как особую сферу сознания и как онтологически нерасчленимую социальную целостность, включающую правосознание в качестве своей имманентной составляющей. Как часть инкорпорированной социальной реальности оно представляет собой особый взгляд на мир и на самого социального деятеля - правового субъекта. Право реализуется как онтологически нерасчленимая целостность, сложная психосоциокультурная система, фактически осуществляемая в общественной жизни во взаимодействиях социальных деятелей, соотнесенных между собой посредством совместно признаваемых ими смыслов (ценностей, норм).

- Право как социальный институт есть специфическая структура существования самого правосознания, социальная форма, осуществление которой в общественной жизни обеспечивает возможность возникновения и продления человеческих состояний, собирание, дисциплинирование (правового) сознания.

- Правовой нигилизм представляет собой интегральный феномен (характеристику) правовой действительности, проявляющийся в практиках индивида и общности. Применительно к современному российскому социокультурному контексту, правовой нигилизм - значимый компонент социального диалога элиты и масс, национальной ментальности и культуры.

Научная и практическая значимость исследования. Содержащиеся в диссертации теоретические положения и обобщения вносят посильный вклад в дело совершенствования категориального аппарата теории государства и права, теории правового сознания. Выводы работы могут быть использованы в

решении проблем правовой реформы, правотворческой и правоприменительной деятельности, в деле правового воспитания, повышения правосознания и правовой культуры населения, должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, а также в процессе преподавания курса теории государства и права, написания дипломных и курсовых работ по данной тематике.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования получили свое отражение в 15 публикациях автора по теме работы. Они также докладывались и обсуждались на кафедре теории и истории государства и права Самарской гуманитарной академии и на целом ряде научных конференций, прошедших в Самаре, Санкт-Петербурге, Белово, Мурманске, Омске, Тольятти: Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов «Проблемы реализации и защиты прав человека», Самарская государственная экономическая академия, апрель 2002; конференции «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук», посвященной 10-летию СаГА, Самарская гуманитарная академия, апрель, 2002; 3-ей Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы современной науки», Самарский государственный технический университет, сентябрь 2002; международной научной конференции «Информация. Коммуникация. Общество-2002», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В.И. Ульянова (Ленина), ноябрь 2002; научно-практической конференции «Проблема правосубъектности: современные интерпретации», Самарская гуманитарная академия, февраль 2003; Всероссийской научной конференции «Наука и образование», Кемеровский государственный университет (филиал в Белово), февраль 2003; Всероссийской научно-технической конференции «Наука и образование-2003», Мурманский государственный технический университет, апрель 2003; Международных юридических чтениях, Омский юридический институт, апрель 2003; научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической ответственности», Волжский университет им. В.Н. Татищева, апрель 2003.

Структура диссертации подчинена цели и задачам исследования. Она состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

II. Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень ее разработанности, определяются объект, цели и задачи диссертационного исследования, его научная новизна, теоретико-методологические основы авторского анализа, излагаются основные положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы, ее апробация.

Первая глава «Методологические предпосылки изучения правосознания»

В первом параграфе «Понятие правосознания в различных школах права» рассматриваются место и роль категории правосознания в различных методологиях правопознания - юридическом позитивизме, школе естественного права, социологической юриспруденции, осмысливаются их эвристические и социально-практические возможности и ограничения.

Категория правосознания получает разный смысл и ценность в зависимости от избранного типа правопонимания. Соответственно, ее осмысление необходимо осуществлять в контексте и на пересечении основных школ права, с одной стороны, центрирующих различные аспекты правовой действительности, с другой - позволяющих в той или иной мере освоить ее «многоединство».

Так, *юспозитивизм*, акцентируя вопросы *юридической догматики*, конструирует правосознание в контексте «*культуры правил*», в рамках которой знак и его употребление определяют и формулируют свой референт («существует то, что правильно») и которая нацелена на определение и упорядочивание еще не данного содержания. Иначе говоря, правосознание здесь рассматривается под углом его формирования, регуляции, проецирования общеобязательных, государственно обеспеченных нормативов социального существования; оно, по сути, представляется в качестве *отражения* юридического бытия, одной из форм, каналов, средств реализации и воспроизводства системы официального права и правопорядка, «проводника» установленных публичной властью нормативных принципов и предписаний.

В этом смысле юспозитивизму противостоят естественно-правовая и социологическая интерпретации правосознания, осуществляемые через призму «*культуры выражения*», нацеленной на нахождение правильной, соответствующей уже данному содержанию репрезентативной формы («правильно то, что существует»). *Юснатурализм* сопряжен с постижением и содержательным конструированием *идеи права*, его глубинных первооснов и конституирующих целей, реализуя «*этико-политическую*», *деонтологическую* трактовку правосознания. Сущность правосознания в подобной перспективе состоит в своеобразной «настройке» на «естественное право» («абсолютные первоначала» бытия, господствующие ценности эпохи), его усвоении, трансляции и утверждении в практике социальных общностей и государственных учреждений, собственном поведении субъекта; оно есть активистское, «гражданское» сознание, *осмысливающее, ощущающее себя и мир через призму должного*, верховных (религиозных, этических, идеологических и т.п.) императивов и нацеленное на *критическое, коррективное, организующее и контролирующее восприятие* существующих законности и правопорядка.

Социологический подход направлен на изучение правосознания в качестве аспекта, формы социального сознания, *атрибута социального (правового)*

порядка, своеобразной ментальной практики, встроенной в процессы конструирования и воспроизводства юридического бытия, социального обусловливания и регулятивного воздействия правовой системы. С позиций социоправового синтеза правосознание мыслится в качестве единства социальной необходимости и свободы, заданности и возможности социальной игры, подразумевающей - в рамках заданных правил - бесконечное множество ходов, поведенческих цепочек. Правосознание является, с одной стороны, средством сохранения и развития социальной системы, с другой - ее необходимой предпосылкой, источником и целью, ориентиром. Социоправовые структуры суть формы, результаты осуществления определенного типа правосознания, а равно - институты его воспроизводства. Именно широкая социологическая познавательная перспектива, по мысли автора, наилучшим образом позволяет подчеркнуть онтологическую связанность права с правосознанием, его укорененность в человеке как правовом субъекте, увидеть право как продукт человеческого взаимодействия, социокультурную форму, основной смысл которой - регулятивно обеспечить возникновение и поддержание человеческих состояний через осуществление в общественной жизни, вхождение в «плоть и кровь» народа, его повседневные практики, устройство «внутренней» дисциплины, социально необходимого правосознания. Указанный подход, благодаря своей ориентации на комплексность, стремлению увидеть единство его объективных и субъективных аспектов, макро- и микроуровней, является той *основой*, на которой, по мнению автора, возможна и перспективна реализация *парадигмы интегративного осмысления правовой действительности*, создание эффективного, теоретически и практически адекватного инструментария для решения актуальных проблем человека, общества, политики, права.

Во **втором параграфе «Правосознание в методологии социогуманитарного познания»** категория правосознания исследуется через призму объективистской и культурно-аналитической перспектив социогуманитарной мысли.

Основой **объективизма** в социогуманитарном познании можно признать методологию позитивизма, в целом идеалы нововременного мышления («классической рациональности»), «превращающие» мир в объект познания и освоения, внеположенный человеку (гносеологическому и деятельностному субъекту), противопоставляющие предметность познающему ее сознанию, скрытому «за спектаклем мира». Утверждая *качественную тождественность* социальных явлений природным, объективистский подход пытается выстроить модель социогуманитарного знания «по образу и подобию» *естественных наук*. Соответственно, общество рассматривается здесь как самодовлеющая, внешняя и принудительная по отношению к индивидам реальность *sui generis*, а человек полагается ансамблем социальных отношений, «винтиком» социального механизма. Методологически социальные науки ориентируются на изучение

объективных структур, универсальных закономерностей, получение достоверного («свободного от ценностей») знания - теории, выстроенной особым языком, по правилам безличного Законодательного Разума. Такое знание *монологично* - производится просвещенными людьми (учеными) *с позиций абсолютного превосходства над непросвещенными*; оно продуцирует власть как «всю совокупность тактик, стратегий, технологий, детерминирующих, регламентирующих и дисциплинирующих жизнь человека» (М. Фуко).

Соотнося указанные характеристики с ориентирами отечественного правопознания, можно увидеть присущие ему объективистские эвристические схемы. Так, характерное для советской и современной российской юриспруденции юспозитивистское видение правового мира, по мнению автора, является во многом близким (хотя и нетождественным) именно объективистской перспективе социогуманитарного познания. Право здесь - элемент социальной реальности, отчужденной и принудительной по отношению к индивидам, претендующий на роль «объективно верного масштаба социального поведения», а правосознание - «субъективный образ» права, отражение предданной «правовой природы» вещей. Для правосознания здесь характерны, во-первых, объективная (принудительная) заданность, во-вторых, частые заблуждения, искажения «объективной сущности» юридических явлений. Оно концептуализируется как инструмент, придающий объективным правовым закономерностям их идеальное инобытие.

В методологическом аспекте, правопознание сосредоточено на анализе юридической объективности («юридической материи»), по отношению к которой правосознание исследователя есть противоположенное субъективное. Последнее как бы «исключается» из познавательного процесса, нацеленного на выражение, понятийное оформление наиболее общих закономерностей права, в описании юридических феноменов *«как они есть»*, максимально точном, достоверном выявлении, отражении их «объективной сущности», сокрытой и разбросанной по различным своим проявлениям.

В социально-практическом ракурсе, утверждение вторичного, производного статуса и ценности правосознания в социальной реальности формирует для социальных деятелей стандарт *гетерономного поведения*, заданного некой юридической объективностью, будь то императивы Естественного закона, Разума или Абсолюта, исторически сложившиеся формы «народного духа» или «общей воли», социальной солидарности или классовой борьбы, установленные и обеспеченные государством позитивно-правовые предписания и т.д. Правосознание, при таком подходе, помещается в пространство отчужденной нормативности, выступая в качестве одного из средств функционирования и воспроизводства юридических структур.

Культурно-аналитическая (социал-конструктивистская) перспектива исходит из *качественной специфики* социальной (культурной) реальности, в

отличие от природной, и, соответственно, утверждения особого статуса и методологии социогуманитарного познания. Разработка указанного подхода во многом связана с критикой постулатов классической рациональности, попыткой помыслить «картину» объективной действительности *в единстве* с ее наблюдателем, познающим и бытийствующим в мире субъектом, «растянуть» классические концепты социального бытия за счет онтологии сознания.

Общество, в указанной перспективе, представляется в виде результата взаимодействия множества людей, коллективного истолкования (определения) мира повседневной жизни. Оно есть непрерывный созидательный процесс, в котором социальная реальность, понятая как пространство общих смыслов, интерсубъективно (совместно) конструируется социальными деятелями. Социальная реальность здесь утрачивает свою онтологическую двойственность, понимается как реальность самих индивидов, совокупность их инкорпорированных (*«встроенных в тело»*) культурных способностей, возможностей, образцов, реализуемых в повседневных практиках, фиксируемых в культурных текстах.

Фокус исследовательского интереса здесь - *«микропроцессы»*, практика повседневной жизни как единственная социальная реальность, мир инкорпорированной истории и социальности, мир *репрезентативной* (существующей в силу своего признания) культуры. Общественные формы, при таком взгляде, исследуются через индивидуальное, рассматриваются *в своей данности социальным деятелям*. Типическое, закономерное понимается как *типика смыслов*, которыми действующие индивиды наделяют жизненно важные вещи. На смену универсалиям объективизма приходят *«истины опыта»* - всегда *частичный, ситуативный* конструкт, а не раз и навсегда данное и единственно верное знание, освященное всеобщим Разумом.

Соответственно, центральным методом для культурной аналитики становится *понимание*, которое, в отличие от научного объяснения, всегда интерпретативно, активно, нетождественно непосредственному отражению, ибо представляет собой приписывание конкретным исследователем смысла анализируемому процессу, явлению, тексту. А поскольку социальная наука здесь «вырастает» из повседневности, то интерпретация исследователем того или иного феномена есть всегда *вторичный процесс*, всегда *конструкт конструктов*, «двойная герменевтика». Меняется сама *позиция исследователя и статус производимого им знания*: субъективная исследовательская версия изучаемого предмета одновременно является и *репрезентацией самого исследователя*. Отсюда, с одной стороны, принципиальная невозможность свободного от ценностей, ангажированности социального знания, с другой - множественность и парадоксальность познавательных «истин», выступающих не столько реконструкцией изучаемых фрагментов социального мира, сколько *творением новой реальности*, нацеленных не столько на познание объективной действительности, сколько на стимулирование опыта других людей.

Исследователь теряет свою позицию «всезнающего рассказчика», говорящего от имени Разума. Он - один из многих, его голос - *не единственный и не главный*, его выводы, хотя и определенным образом «схватывают» реальность, тем не менее не претендуют на истину в последней инстанции. Это позиция принципиального *неучастия во власти*, в однозначном и тотальном определении социального мира.

Описанный подход кардинально меняет облик юридической действительности и юридического познания. Реальность права полагается здесь миром социальных деятелей, миром совместно конструируемых и воспроизводимых ими смыслов, миром социокультурных текстов (знаковых систем). Социоправовая действительность рассматривается как человеческий продукт, непрерывный процесс интересубъективного осмысления, конструирования, истолкования реальности повседневной жизни. Право существует постольку, поскольку активно разделяется либо пассивно признается людьми, является содержанием их повседневности, репрезентативной культуры. Любые правовые формы будут мертвы и бессмысленны в отрыве от правового субъекта, от правосознания.

Рассмотрение права как сконструированной объективности, как интересубъективного и инкорпорированного явления ставит в фокус правового анализа вписанного в социокоммуникативный контекст индивида как реального правового субъекта - творца, интерпретатора социального (правового) смысла, «носителя», «агента» правосознания. Правопознание есть не столько отражение объективных предданных закономерностей социоправового бытия, сколько диалог, стремление понять социального (правового) деятеля, проникнуть в мир значимых для него смыслов, определений окружающей действительности как частичных, альтернативных, темпоральных конструкций, не претендующих на истину в последней инстанции. Правосознание исследователя - неотъемлемая часть познавательного процесса (коммуникации) и его результатов, что обуславливает как невозможность преодоления социально-субъективного, субъективно-ценностного характера правового знания, так и множественность различных и равноправных интерпретаций социоправовой реальности. Продукты юридической рефлексии, таким образом, теряют статус единственно верной, верховной, тотальной истины, а значит, и свою легитимационную функцию по отношению к власти: они представляют собой лишь одну из возможных версий, определений социоправового бытия.

Вторая глава «Юридический анализ сознания»

В первом параграфе «**Определение понятия правосознания**» рассматриваются теоретические и этико-политические аспекты концептуализации правосознания, анализируются проблемы его специфики как формы социального сознания, предлагаются различные классификации определений правосознания.

Право онтологически связано со своим субъектом. Любая система юридических предписаний, правопорядка имманентно несет в себе человека, обретает свое бытие, смысл, функциональную и аксиологическую нагрузку только через реального деятеля, способного к их пониманию, признанию и воспроизводству. Этим объясняется огромная значимость категории правосознания, которая выступает своеобразной *репрезентацией человека в праве, юридической проекцией на проявления целостного человеческого бытия, человеческого сознания*. Она фиксирует особый угол зрения на ментально-психические, социокультурные феномены, когда последние анализируются с позиции их *значимости* для так или иначе концептуализируемой *сферы правового*, необходимости своего принципиального учета как неотъемлемого источника, фактора, проявления, следствия правовой жизни. Категория правосознания выполняет также важную этико-политическую функцию, участвуя в конструировании и воспроизводстве социальной реальности посредством определения места и роли человека в структурах социального порядка, детерминируя размерность, конфигурацию свободы и активности социальных деятелей - правовых субъектов.

Полагание категории правосознания особым способом, языком осмысления человека в праве нацеливает на интегральный охват многообразных форм его правового бытия. Правосознание, по сути, выступает здесь и как *индивидуальная психика*, и как *социальная психология, ментальность, культура*, включает в себя весь спектр проявлений интеллектуального и эмоционального, осознанного и бессознательного плана, объемлет этические, политические, экономические, религиозные и т.п. проекции, компоненты, действует и как «живое» мышление, переживание, общение, и как знаковая система, текст.

Правосознание рассматривается автором как особый *адаптационный механизм*, основополагающей целью которого выступает обеспечение целостности, последовательного развития, оптимальных форм существования его субъекта - индивида, общности - в рамках экосоциокультурной среды. Такая функциональная направленность предполагает целостное, согласованное взаимодействие всех составляющих правосознания, выступающего здесь именно как *система*, с присущими ей целью, интегральными свойствами, а также, в отличие от официального права, более разнообразным «элементным составом».

В рамках современной российской юридической мысли решение вопроса о *специфике правосознания*, как правило, увязывается с особым *объектом отражения* (право, правовая действительность и т.д.) или же *характером отражения* (в категориях должного, справедливого, прав и обязанностей, необходимости законодательной регламентации и пр.). Исходя из предлагаемого автором подхода, основным критерием выделения правового сознания следует признать прежде всего *значимость* для так или иначе трактуемой *правовой жизни, целей и задач правового регулирования*, что

необязательно предполагает структурированность сознания вокруг «юридических» (официально признаваемых) феноменов, но требует установления его связанности с интересующей исследователя сферой правового, уяснения ее облика, статуса, роли в (индивидуальном, коллективном) мировосприятии и образе жизни. При этом правовая действительность, с одной стороны, может быть «освоена» сознанием с помощью многообразных (однако тем или иным образом связанных с нею) форм, конструктов, в том числе не входящих в принятую наукой, официальной доктриной терминологию и символику, с другой стороны, границы и характер такого освоения будут предопределены ракурсом существующих в репрезентативной культуре правовых принципов, эталонов должного и меры допустимого. Подобный ракурс, по мнению автора, дает возможность более широкого освещения права как феномена ментальности и культуры, взаимодействия различных форм (ценностей) сознания (где правосознание может иметь как господствующее, так и подчиненное положение), позволяет реализовать методологическую ориентацию на целостное, интегративное схватывание человеческого бытия в пространстве права.

Различия в подходах к юридической концептуализации сознания обуславливают необходимость их *классификации*. Так, можно разделять *онтологические* и *деонтологические* определения правосознания. Первые (доминирующие в отечественной юриспруденции) направлены на моделирование реально существующего правосознания, выражаемого через понятия «формы общественного сознания», «части субъективной психики», «отношения к праву, выраженное в совокупности представлений и чувств» и т.д. Деонтологические определения (присущие, в частности, неокантианской философии права) рассматривают правосознание как разновидность сознания должного, предполагающее восприятие человеком мира и самого себя через призму верховных этических, религиозных, идеологических и пр. императивов. Они акцентируют, во-первых, необходимость единства и гармонии ценностно-нормативных установок личности, культурной общности, во-вторых, нормирование активности субъекта в интересах высших целей.

Среди онтологических определений автор предлагает различать *формальные* и *содержательные* дефиниции правосознания. Если первые рассматривают правосознание как имманентную характеристику человека вне зависимости от содержательной наполненности его мировоззрения, то вторые исходят из заранее заданного представления о юридических явлениях, предъявляя определенные требования к его правовым взглядам, ценностям, установкам. Как и деонтологические, содержательные дефиниции несут важную этико-политическую нагрузку - способствуют актуализации и утверждению определенного образа права, адекватного ему типа мотивации и деятельности, создавая (подтачивая) необходимую основу для соответствующего типа социально-политического строя. Методологически это осуществляется за счет

сужения и догматизации предмета исследования, идеологизации социоправового мира.

Второй параграф «Соотношение правосознания и права» связан с осмыслением права как феномена ментальности и культуры, исследованием соотношения правосознания и права, социального механизма их взаимодействия.

Право рассматривается автором как феномен социокультурного мира - мира смыслов, символических форм, мира значимого для человека бытия. Оно выступает как сфера (правового) сознания, *особый взгляд на мир*, специфический *способ восприятия* себя и других, язык, схематизм мышления. В более широком плане право полагается своеобразной *онтологически нерасчленимой целостностью, психосоциокультурной системой*, фактически осуществляемой в общественной жизни во взаимодействиях социальных деятелей, соотнесенных между собой посредством совокупности совместно признаваемых типизированных смыслов (ценностей, норм). Оно конструируется, объективируется, интерпретируется, легитимируется, воспроизводится правовыми субъектами в ментальных и поведенческих практиках, слагающих социальный правопорядок. Правосознание здесь - не эпифеномен юридического мира, а доминанта и необходимый *коррелят правового бытия*, непрерывная *интерпретационная практика*, задающая особый онтологический и ценностно-идеологический контекст, перспективу видения мира и социального деятеля. В создаваемой таким образом *«репрезентативной культуре»* всякое юридическое явление не имеет безусловного значения, но «творится» правосознанием в ходе интерпретации через призму смыслов, ценностей своего жизненного мира. А потому можно говорить о неизбежной *конвенциональности «права»* как языковой, коммуникативной единицы и правомерной *множественности* его пониманий, что обусловлено как социокультурным контекстом (цивилизационным плюрализмом, историческим развитием общности), так и обстоятельствами гносеологического порядка (ограниченностью формально-логических понятий права, многообразием и непроясненностью их металогических оснований).

Принимая во внимание приведенные аргументы, автор подходит к праву как к сложному, многоаспектному феномену, требующему своего интегративного видения, предполагающего охват наиболее важных элементов его целостности. При этом основной акцент в диссертации делается на анализе права как социального факта, права в его осуществлении, рассмотренного и в плоскости социального порядка, ценностно-нормативных, поведенческих структур, выступающих основанием (критерием) правовой активности индивидов, и через призму конкретных ментальных образцов и практик конструирования социоправового мира. Соответственно, право концептуализируется прежде всего в качестве феномена общества, значимой формы, языка, механизма социальной коммуникации, относительно автономного от государства.

В юридической литературе существуют различные варианты *соотношения* категорий *правосознания и права*: 1) отождествление; 2) разделение; 3) взаимопересечение. В диссертации автор обосновывает тезис об их *взаимном пересечении*, при котором право являет собой одновременно и объективированную идею (ценность, смысл), воплощенные во внешних знаковых формах (текстах), и определенную сферу социального правосознания, в которой правовая идея, интерпретированная в соответствии со своим объективированным социальным значением, находит свое отражение в правовых нормах и поведении субъектов. В состав права как психосоциокультурной системы включаются не отвлеченные идеи или же правосознание в целом, а лишь такие его ценности, принципы, нормы, которые «напрямую участвуют» в реализации права, конструировании социального порядка. Причем включаемые в понятие права нормативы сознания рассматриваются как своеобразная точка, момент пульсации всей целостности культуры, жизненного мира - от архетипических структур до ситуативных установок, содержащий их в себе в свернутом виде.

С позиций предложенного подхода иначе видятся предлагаемые традиционной юриспруденцией *различия* (официального) *права* как центра и главной ценности юридического мира, как объективного, системного образования с исключительной регулятивной функцией, институциональным механизмом действия *и правосознания* как вторичного, субъективного, разобщенного феномена, осуществляющего свои информационные и ценностно-ориентационные функции через общую правовую оценку актов и ситуаций, их соотнесение с государственно признанными и гарантированными правилами.

Правосознание полагается автором онтологической, аксиологической доминантой, источником, движущей силой социоправового мира, конструирующей право как социокультурный феномен. Укорененное в культурно-исторической традиции, правосознание определяет сам образ права, его ценностное, эмоциональное восприятие, функциональную роль в структуре мироздания, тип правовой идентификации и схематизм интерпретации юридических текстов, перспективы обращения к механизму права в повседневной жизни. Социальная фактичность права есть результат опредмечивания ментальных структур, практики опривыченных способов классификации окружающего мира социальными деятелями.

Право, в предлагаемой перспективе, раскрывается как структура существования самого правосознания, «*онтологическая абстракция порядка*» (М.К. Мамардашвили), через осуществление которой в общественной жизни (усвоение и воспроизводство социальными деятелями) становится возможным возникновение, продление человеческих состояний, собирание, дисциплинирование (правового) сознания. Право выступает здесь не просто средством ситуативного воздействия «здесь и теперь», но регулярным

инструментом развертывания и развития человечности, человеческого обучения и приспособления к окружающей среде, институционализации необходимых (типов) взаимодействий, механизм культурного отбора, памяти и преемственности.

Право как социальный институт всегда есть единство порядка (структуры) и лежащего в его основе мировоззрения, а посему можно говорить о некоей однопорядковости и взаимодополнительности функций правосознания и права. Существует *жесткая привязка механизма юридического регулирования к правосознанию*, которое есть источник, сила, обеспечивающая, с одной стороны, конструирование общеобязательного нормативного образца, с другой - его оценку, легитимацию, усвоение, его воспроизводство, адаптацию к действительности. Сама нормативность и принудительность позитивного права во многом обусловлены правосознанием. Так, *нормативность* правовых предписаний есть не столько качество текстов, противопоставленное правовым субъектам, сколько конструкт, «событие» культуры, сознания. Она, с одной стороны, *закладывается* жизненным опытом, усвоенными из *повседневности* схемами, с другой - есть *результат интерпретации* правосознанием социокультурного текста (знака, свидетельства права), осуществляемой конкретным социальным деятелем в определенном коммуникативном контексте. Принуждение также связано с правосознанием, требует признания своей правоты и необходимости хотя бы частью членов общности. Позитивное право, таким образом, обретает свою культурную онтологичность, легитимность, самоидентичность, а значит - действенность через свою психосоциокультурную интерпретацию, через правосознание.

В диссертации рассматривается *механизм* социального взаимодействия правосознания и права. Его описание начинается с *экстернализации*, т.е. проявления «вовне» психической жизни человека, его смыслов, жизненных проектов, придание им знаковой, социальной формы. Институционализация права порождается типизацией и опривычиванием людьми своих и чужих успешных действий и, далее, оформления коллективного знания о взаимных ожиданиях, социальных ролях с присущим им нормативным содержанием, правами и обязанностями, первичным социальным контролем. По мере присоединения к институциональному миру новых лиц, поколений интересубъективные правовые типизации *объективируются* - начинают восприниматься как неоспоримая внешняя и принудительная по отношению к социальным деятелям реальность *suí generis*, властная благодаря силе своей фактичности (воспроизводству типического смысла) и механизмам контроля. Тем самым через правовую социализацию, участие в социальной игре происходит *интернализация* (усвоение) индивидами схем конструирования социальной фактичности, перенятие образцов правового мышления, на основе чего становится возможным как воспроизводство права, так и его *новация*.

Аналогичным образом **официально-правовое регулирование** требует первоначальное *конструирование образца*, экстернализацию определенной системы смыслов, нормативов сознания, которые, с одной стороны, понимаются как справедливые и целесообразные, с другой - согласуются с регулятивными возможностями официального права и подлежат законодательному оформлению и охране. Утверждение нормативного образца, обретение им своей «семантической автономии» становится возможным благодаря *текстуальной форме, языку* (в данном случае - писаному нормативному документу). Конституирование юридической нормы («источника права») требует также предварительного *информационного и ценностного* воздействия на социальных деятелей (например, путем официального опубликования и обнародования) с тем, чтобы текстуализированные нормативные факты были ими усвоены, получили необходимый минимум своего понимания и оправдания (*легитимности*), стали содержанием их правовых суждений и установок. Интернализация правовых норм социальными деятелями всегда интерпретативна, имеет активный, творческий характер, предполагает «вписывание», переработку нового в систему личностных смыслов, обеспечивая возможность дальнейшей *реализации права*. Очевидно, что и на этой стадии требуются «события правового смысла», акты «прочтения» правосознанием нормативного текста, которые как бы оживляют его, по сути, конструируя, утверждая то или иное правило, ценность, идеал своей культуры, внося свою лепту в формирование социального правопорядка.

Третья глава «Правовой нигилизм в юридической действительности»

В первом параграфе «Правовой нигилизм как феномен ценностного отношения к праву» затрагивается ряд вопросов правовой аксиологии, анализируются проблемы определения нормативного отношения к праву применительно к нигилистическому правосознанию.

Право как онтологическая психосоциокультурная целостность всегда причастно области ценного - и в качестве необходимого инструмента и механизма утверждения и охраны ценностей, и в качестве социорегулятивной системы, занимающей собственное место в ценностно-нормативной иерархии культуры.

Возможны две базовые трактовки ценности: 1) как способности вещей и явлений окружающего мира воздействовать на субъекта таким образом, что они воспринимаются как блага, побуждающие стремиться к ним и добиваться обладания ими; 2) как общих принципов целесообразной деятельности, отправляясь от которых, человек приписывает тем или иным объектам практическую значимость, побуждающую его действовать, вести себя определенным образом.

В контексте авторского подхода, ценности выступают *интерсубъективными конструктами* репрезентативной культуры, жизненного мира, посредством которых определяются, организуются и удерживаются области социально-

исторических значений, личностные смыслы различных предметов, феноменов, процессов. Они суть продукты и механизмы совместного существования людей, которые, в силу своей институционализации, «вплетенности» в повседневные практики обретают определенную степень объективной фактичности, воспринимаются как отчужденные, «от века данные» сущности. В этом смысле право, с одной стороны, не существует вне переживания своей субъективной значимости социальными деятелями, вне своей включенности в наличную систему социальных ценностей, с другой - сами легитимированные правовые нормы (тексты) в дальнейшем выступают основанием социальной оправданности (ценности) поведенческих актов, критерием их нормальности, нормативности.

Решение вопроса о ценности права не означает категоричного утверждения ее абсолютности или ничтожности, но предполагает уяснение места и роли права как *части* некоего, прежде всего социокультурного, *контекста*. Культура как живая, конкретно-историческая целостность наделяет свои элементы уникальным смыслом, ценностью, функциональной нагрузкой: такие фундаментальные категории, как право, свобода, равенство, справедливость и др., являются *универсальными* именно *в силу своей инаковости* у разных людей разных времен и общностей. Соответственно, перенятие культурой инородных форм неизбежно происходит на основе собственного опыта, биографии, всегда есть общение, интерпретация, конструирование нового, его интеграция в свой мир ценностей и смыслов. А значит, модернизация российского социума, утверждение правовой государственности с необходимостью требуют своей *«укорененности»* в сознании людей, предполагают не только и, может быть, не столько ревизию официального права, сколько *изменение обуславливающих его фундаментальных стереотипов* восприятия, суждения, поведения.

Предложенный взгляд нацеливает на осмысление феноменов права *«из самой ментальности, культуры»*, требует отказа от их универсалистской градации на более и менее «цивилизованные», «продвинутые», «прогрессивные». К примеру, если для индивидуалистической (западной) правовой культуры право выступает целью и основным средством общественного развития, то в коллективистской (традиционной, восточной) правовой культуре оно зачастую рассматривается одним из способов решения ограниченных социальных задач. Российскому правосознанию исторически ближе *инструменталистская, этическая* интерпретация права: несмотря на ограниченные возможности и подчиненность разным целям, подлинное предназначение права усматривалось в том, чтобы быть необходимой предпосылкой к духовно зрелому обществу, утверждать высокие нравственные идеалы в социальной жизни.

Такой подход позволяет по-иному концептуализировать *ценностное расхождение правосознания и официального права* (государственного законодательства, доктрины), увидеть относительность традиционно применяемых для его обозначения понятий «деформация», «дисфункция»,

«патология» правосознания. Последние суть конкретизации постулата об онтологической и аксиологической доминанте официального права, которое декларируется основой, непреложной истиной всякого правосознания. Отсюда «деформация» означает нарушение, искажение, ослабление, уничтожение некой первоначальной целостности, стержня, отпадение от идеала, потерю прежнего (благого, адекватного норме) статуса (не только формы, но и содержания), расстройство его функциональной организации и пр. Думается, не решает проблемы и предлагаемое понятие «деаксиологизации» (Д.Э. Марченко), также утверждающее ценностное разрушение, деградацию, упадок не соответствующего официальному праву правосознания.

Приведенные «нормативы» сознания, взятые в своей абсолютности, функционируют не столько как научные понятия, нацеленные на раскрытие изначальных качеств социальных деятелей, ценностей культурной общности, сколько как идеологические конструкты, обслуживающие осуществление и институционализацию социального порядка и господства. К примеру, конструирование «мифологии» правового нигилизма во многом обусловлено необходимостью поддержания как ценности официального права (публичной власти), так и ценности «права вообще», трактуемого в духе европоцентризма, доктрины юснатурализма и правовой государственности.

Исходя из разделяемого автором подхода, центральными для правовых субъектов - членов социальных общностей следует считать нормы и ценности, которые составляют систему их жизненного мира, репрезентативной культуры, непосредственно, каждодневно конструируются и воспроизводятся ими в обыденных ментальных и поведенческих практиках, выступают «прозрачной», само собой разумеющейся призмой, опосредующей понимание, переживание социальной реальности.

Второй параграф «Предпосылки и содержание правового нигилизма» посвящен исследованию правового нигилизма - одного из видов «ненормативного» правосознания, разработке возможных путей его концептуализации в свете предложенного автором подхода.

Сегодняшняя российская юриспруденция знает различные варианты концептуализации правового нигилизма как разновидности ценностного правосознания. Наиболее распространенными среди них являются широкие трактовки правового нигилизма, усматривающие его сущность в *отсутствии позитивного отношения к праву*, ценностям и закономерностям правовой формы социального регулирования, в их безразличном, скептическом или открыто неуважительном и враждебном восприятии. Возможно также определение правового нигилизма в узком смысле как правосознания, построенного на *отрицании права*, его социальной и личностной ценности, рассмотрении права в качестве наименее приемлемого и совершенного инструмента регуляции общественных связей. В этом случае он зачастую отграничивается, с одной стороны, от *диалектического отрицания правовых*

форм, их (конструктивной) критики, с другой - от крайних форм антиправового мировоззрения, сопряженного с активной противоправной направленностью личности, преступным умыслом. Кроме того, в теории существует опыт концептуализации нигилистического правосознания через понятие *социальной (правовой) установки*, для которой характерны юридическая некомпетентность, негативная оценка права, а также распространенность навыков и стереотипов неправового, противоправного поведения.

В общем и целом правовой нигилизм воспринимается как *особая форма деструктивности*, как *негативный, социально опасный и вредный феномен*, способный проникать во все сферы жизни общества и вызывать самые неблагоприятные социальные последствия. Он, как правило, связывается с тотальным, гипертрофированным отрицанием и сомнением, отсутствием какой-либо созидательной программы, с избранием наихудших (радикальных, экстремистских) форм активности, граничащих с антисоциальным поведением, аморализмом и преступной деятельностью. Его возникновение и воспроизводство в России увязывают с ее историческим наследием и текущей модернизационной трансформацией, часто объясняется через социопсихологические особенности личности («превратность воли», стремление к самоутверждению), а также специфику ментальности, культуры (юридическое невежество, неразвитость и пр.).

Различия в методологии правопознания обуславливают возможность построения разных *типов правового нигилизма*: юридического, естественно-правового и социологического, отрицающих ценность, соответственно, норм и принципов официального права (законодательства), идеи (смысла) права или же правопорядка. Современное российское правоведение концептуализирует правовой нигилизм прежде всего с позиций юспозитивизма, т.е. как нигилизм *легистский* или *юридический*. Исходя из избранной автором позиции, правовой нигилизм не тождествен отрицанию ценности каких-либо нормоположений, кризису юридической системы; он имеет место, когда утрачивается цельность общества, когда обесценивается сам социальный мир и социальные деятели оказываются неспособными к совместному существованию. Правовой нигилизм сопряжен с недооценкой, непризнанием различными правовыми культурами ценностей друг друга. Его *позитивный смысл* состоит в том, что формально отрицание права социальными деятелями, по сути, означает утверждение идеи правового порядка и единства, оставшейся нереализованной в личном опыте индивида, в жизни социальной общности. С учетом этого в диссертации анализируется негативное отношение к официальному праву, его нормам, ценностям, т.е. нигилизм юридический.

С позиций избранного подхода автор рассматривает правовой (юридический) нигилизм как интерсубъективный феномен, выступающий характеристикой как правосознания, так и права, а равно и всей правовой действительности как мира

правового смысла. Юридический нигилизм, таким образом, есть не эпифеномен общественно-политической жизни, но фактическое *небытие права*, разрушение его социокультурной онтологии, ценности, смысла, а значит, фактор энтропии всей социетальной системы. Полагание юридического нигилизма интегральным феноменом правового мира обуславливает его своеобразную *«многомерность»*, возможность его концептуализации как в связи с индивидуальными смыслами, мотивами, конкретными повседневными практиками, так и применительно к его институционализации, объективации в рамках общественной, политико-правовой системы, на уровне больших социальных групп.

В диссертации юридический нигилизм осмысливается через призму описанной ранее диалектики правосознания и права. Правовой (юридический) нигилизм рождается как *негативное идейно-психологическое состояние* человека, вызванное бессилием враждебно ответить на ситуации, в которых затруднительно (невозможно) достичь позитивных целей и ценностей посредством (официального) права, в которых под влиянием факторов разного плана человек осознает себя потерпевшим поражение, лишение, непреодолимое ограничение. Как реакция - замещение подлинной ценности превращенными, мнимыми, выработка негативного отношения к юридической форме (*«ресентимент»*), формирование соответствующей (неправовой, антиправовой) *социальной установки, коммуникационной стратегии*. В подобной перспективе юридический нигилизм предстает как проблема (следствие, форма) *социального отчуждения* и олицетворяет собой один из способов его преодоления - от формального, конформного исполнения властно-правовых предписаний до прямого игнорирования и неприятия права как социальной ценности. Он есть компенсаторная реакция психики, определенный *способ адаптации* индивида к наличной социокоммуникативной ситуации, в которой (официальное) право не является действенным регулятором, доминирующим стимулом в принятии (юридически значимого) решения. Распространение указанных ментальных и поведенческих образцов ведет к их постепенной социальной *институционализации, объективации*, превращению в «нормальные» практики, получающие закрепление в традиции, в повседневных способах конструирования, классификации объектов социального мира, усваиваемых, перенимаемых новыми членами общности - субъектами права. Социальные деятели и культурные контексты начинают воспроизводить правовой нигилизм как некую «данность», «норму», начинают ориентироваться на иные, *альтернативные* официально-правовым, цели, ценности, императивы, тем самым разрушая цельность общества, единство регуляции и легитимации существующего социального, политико-правового порядка.

Юридический нигилизм необходимо также рассматривать как проблему *структуры социального пространства*. Различия в ресурсах, «капиталах» обуславливают разный доступ социальных общностей к принятию важных политико-правовых решений, использованию возможностей официального

права, задавая, соответственно, различный смысл и ценность последнего. Так, в современных российских условиях нигилистическое правосознание порождается дисбалансом социальной структуры, при котором доступ к новым свободам получили, по сути, лишь отдельные группы, лица, в то время как большинство населения испытывает серьезные трудности в том, чтобы ими воспользоваться. Очевидно, для эффективного функционирования права как особой регулятивной целостности, взаимно ограничивающей возможности различных культурных общностей, необходимо некое *социальное равновесие*, позволяющее им посредством юридической процедуры участвовать в установлении и использовании правовых норм для реализации своих целей и ценностей.

В этом ключе автор предлагает рассматривать юридический нигилизм как *значимый компонент социального диалога элиты и масс*, власти и народа, взятого в современном российском социокультурном контексте. В подобной перспективе его можно представить как совокупность (систему), по меньшей мере, двух взаимосвязанных аспектов: 1) отрицания элитами (государством) права как значимого для себя ограничителя; 2) неприятия народом навязываемых ему юридических норм (смыслов, ценностей), незнания их и неуважения к ним. При этом обе стороны диалога обладают социальной «дееспособностью», совместно конструируют общее пространство коммуникации, образ себя и «социально Другого», а позитивное право предстает своеобразной формой, каналом такого диалога, выступая как инструментом осуществления социального контроля, так и средством отстаивания индивидуальных прав и интересов. Применительно к правовому государству как цели либеральных преобразований в России, предложенная модель предполагает активный диалог элиты и масс, открытость элиты, наличие «качественной» обратной связи, в целом культуры если не консенсуса, то компромисса, учет интересов партнера по социальному общению. России (особенно в ее современном состоянии), по-видимому, свойствен иной тип диалога: действия сравнительно закрытой элиты, противопоставляющей себя массам, ориентированной на удовлетворение собственных запросов, в том числе вопреки потребностям всего общества, компенсируются соответствующим поведением со стороны масс, когда «чуждым» законам противопоставляется тихий протест на местах, несоблюдение юридических требований, взяточничество, «блат», искажение представляемой «наверх» информации и т.п. Законодательный акт здесь - лишь первый шаг в диалоге, некая гипотеза о будущих взаимоотношениях в обществе, своеобразное «послание», претерпевающее серьезную трансформацию, проходя через множество социальных фильтров, субкультурных сред. Таким образом, несмотря на модернизацию политико-правовых структур, в современном российском контексте воспроизводится диалоговая модель, в которой юридический

нигилизм остается доминантой социоправового поведения, важным элементом функционирования системы политической власти и социальной регуляции.

Предложенная концептуальная форма нацеливает на уяснение смысла и ценности правовых явлений в контексте национальной ментальности и культуры. Проблема юридического нигилизма, таким образом, есть не просто проблема несоблюдения норм официального законодательства, но *проблема цивилизационной идентичности*, самосохранения и развития культурной общности, поиска, нахождения своей исторической судьбы, адекватного ответа на вызовы Времени. Рассмотренное через призму своих архетипических конструкций (идей соборности, патриархальности, мессианской роли государства при отсутствии культа прав человека, славы (самоутверждения), богатства), российское политико-правовое сознание свидетельствует не столько о «нигилистическом», сколько об инструментальном, этикоцентристском восприятии права, его подчинении идеалу нравственного блага («Правде»), утверждению «Царствия Божьего» на земле. С этим же связана (подсознательная) неудовлетворительность для российского правосознания идеалов правового государства, принципиально отсекающего все возможности служения идее, выходящей за рамки охраны прав человека и гражданина.

На фоне общенигилистических тенденций глобального масштаба перед Россией возникают дополнительные трудности, по сравнению с аналогичным этапом развития Западной Европы: если последняя переходила к праву (как праву Человека) через Реформацию, в ходе которой Государство стало восприниматься в качестве наместника Бога на земле, а религиозные ценности выступили основой утверждения мирских (в том числе правовых) ценностей, то для современной России, переживающей период девальвации институтов социального порядка, предельно остро стоит проблема нахождения того аксиологического (метафизического) основания, которое обеспечивало бы необходимый переход к ценности права, опору для законопослушного и законоуважительного поведения. Очевидно, что все попытки переломить ситуацию при помощи модернизации «внешних» политико-правовых форм являются лишь паллиативами, не способными кардинально что-либо изменить без нравственного перерождения, нахождения новых духовных «скреп» социальной жизни.

В **заключении** сформулированы общие выводы, к которым пришел автор в ходе исследования, обозначены проблемы и возможные перспективы будущих изысканий.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах автора:

1. Касаткин С.Н. Общее понятие права в контексте правового сознания // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Вып. 16. - Тольятти: ВУиТ, 2001. 288 с. - С. 19-30.
2. Касаткин С.Н. К вопросу об актуальности изучения правосознания в современном российском правоведении // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Вып. 21. - Тольятти: ВУиТ, 2002. 256 с. - С. 3-15.
3. Касаткин С.Н. Права человека: социокультурные аспекты // Проблемы реализации и защиты прав человека: Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов. 11-12 апреля 2002 г. - Самара: СГЭА, 2002. 180 с. - С. 7-9.
4. Касаткин С.Н. Российская теория правосознания: актуальные проблемы // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: Сб. статей. - Самара: СаГА, 2002. 376 с. - С. 247-253.
5. Касаткин С.Н. Этатистско-нормативистское понимание правосознания в российской юридической мысли: советское наследие и современность // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Вып. 24. - Тольятти: ВУиТ, 2002. 292 с. - С. 13-29.
6. Касаткин С.Н. Юснатурализм в современной российской теории права и правосознания // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Вып. 25. - Тольятти: ВУиТ, 2002. 304 с. - С. 17-33.
7. Касаткин С.Н. Категория коммуникации и социологическая перспектива права // Информация - коммуникация - общество (ИКО-2002): Тезисы докладов и выступлений Международной научной конференции. 12-13 ноября 2002 г. - СПб.: СПбГЭТУ, 2002. 360 с. - С. 138-139.
8. Касаткин С.Н. Социологическая перспектива права и правосознания в современной российской юриспруденции // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Вып. 28. - Тольятти: ВУиТ, 2002. 232 с. - С. 11-28.
9. Касаткин С.Н. Проблема понимания субъекта права и правосознание // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы научно-практической конференции. 28 февраля 2003 г. - Самара: СаГА, 2003. 98 с. - С. 15-17.
10. Касаткин С.Н. Сознание как предмет юридического анализа: специфика, логика, проблемы концептуализации // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Вып. 29. - Тольятти: ВУиТ, 2003. 221 с. - С. 26-38.
11. Касаткин С.Н. Правовой нигилизм в контексте социального диалога элиты и масс // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Вып. 29. - Тольятти: ВУиТ, 2003. 221 с. - С. 153-163.
12. Касаткин С.Н. Естественное право, правовой нигилизм и современная российская юриспруденция // Наука и образование-2003: Материалы

Всероссийской научно-технической конференции. 2-16 апреля 2003 г. - Мурманск: МГТУ, 2003. В 2 ч. Ч. 2. 201 с. - С. 185-186.

13. Касаткин С.Н. Право и правосознание в различных образах социальной реальности // Международные юридические чтения. 17-18 апреля. 2003 г. В 2 ч. Ч. 2. - Омск: Омский юридический институт, 2003. 241 с. - С. 120-122.

14. Касаткин С.Н. Правонарушение и ответственность в социологической перспективе права // Актуальные проблемы юридической ответственности: Материалы научно-практической конференции. 24-25 апреля 2003 г. / Отв. ред. Р.Л. Хачатуров. - Тольятти: ВУиТ, 2003. 372 с. - С. 38-42.

15. Касаткин С.Н. О соотношении права и правосознания // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: Сб. статей. - Самара: СаГА, 2003. 384 с. - С. 135-142.